

ЛЕОΝТИЙ ШАМШУРЕНКОВ

Мы не знаем, кому первому пришла в голову здравая мысль о том, что для приведения в движение повозки вовсе не обязательно ее тащить или толкать — достаточно для той же цели вращать колеса, сидя в самой повозке, — и несомненно, человек этот был гениален, если ему удалось преодолеть вековое привычное представление о том, что повозку нужно тянуть, чтобы она двигалась. Есть все основания думать, что таким гением был Леонтий Шамшуренков, живший в первой половине XVIII в. Он был крестьянином деревни Большакове Нижегородской губернии Яранского уезда. Первоначальную известность Шамшуренкову принесла модель «снаряда», изобретенного им для поднятия на колокольню Ивана Великого Царь-колокола, незадолго до того перелитого.

Следует напомнить, что Царь-колокол первоначально был отлит в самом конце XVI в. по заказу царя Бориса Годунова, а затем перелит в 1654 г. 14 лет колокол лежал в яме, в которой был отлит, так как никто не брался поднять эту громадину, весом в 8 тысяч пудов. Каким уж образом — неизвестно, но безымянный русский крестьянин, бывший в должности царского привратника, извлек колокол из ямы и установил его сначала на подмостках, а затем повесил на колокольне Ивана Великого. В 1701 г., во время пожара, колокол упал и разбился, после чего подвергся новой, в два приема, переливке с увеличением его веса. При первой переливке металл не удовлетворил мастеров Ивана и его сына Михаила Моториных: они добавили олова в сплав и отлили тот самый Царь-колокол, который сохранился донныне.

Крестьянин Шамшуренков не брезговал никакой работой, чтобы иметь досуг для выполнения своих замыслов. Как потом выяснилось, он соорудил, таясь от людей, самобеглую коляску, но при неистощимой своей изобретательности он отзывался и на всякие технические задачи, которые ставила жизнь. Было множество самых разнообразных проектов поднятия колокола, иногда дельных и остроумных, чаще нелепых или наивных.

Вопрос о том, как поднять колокол, обсуждался и в яранских трактирах.

Шамшуренков в разговоры не вмешивался, но думал об этом деле много и в конце концов придумал свой «снаряд», о котором и решил сообщить в Военную коллегию. Объяснения, записанные дьяком яранского воеводы со слов Шамшуренкова, были направлены в Петербург для изучения. Военная коллегия признала «оный снаряд к назначению пригодным» и вызвала Шамшуренкова в Москву. В январе 1737 г. Шамшуренков приступил к работе по поднятию колокола.

Но в мае того же года в Кремле произошел очередной большой пожар. Огонь охватил леса и подмостки, окружавшие колокол, он упал, и при падении от него отвалился огромный кусок. Поднимать его на колокольню уже было незачем. Колокол пролежал в яме почти сто лет. В 1836 г. Николай I велел вынуть его из земли и приставить на гранитный пьедестал.

Оставшись без дела, Шамшуренков вернулся в Яранск. Человеком он был прямым и смелым. Как-то узнал Леонтий, что яранский воевода в компании с яранским купцом Иваном Корягиным расхищает спирт с казенного винокуренного завода и торгует им в «тайных кабаках». Он отправил на воеводу жалобу в Петербург. Узнав об этом, яранский воевода посадил жалобщика в нижегородскую тюрьму, в которой Шамшуренков просидел много лет и сидел бы, вероятно, без конца, если бы не его изобретательский гений.

Из тюрьмы в 1741 г. он подал в нижегородскую губернскую канцелярию заявление «о сделании им коляски самобеглой», в котором, со слов изобретателя, говорилось: и такую коляску он, Леонтий, «сделать может подлинно, так что она будет бегать без лошади, только правима будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней празных людей, а бегать будет хотя через какое дальнее расстояние, и не только по ровному местоположению, но и к горе, буде где не весьма крутое место. А та коляска может сделана быть, конечно, через три месяца со всем совершенством, и для апробации на сделание первой такой коляски потребно ему казны денег не более тридцати руб-лев, понеже своим коштом, за неимуществом его, сделать ему нечем, которую апробацию может он сделать и здесь, в Нижнем Новгороде, только бы определено было помогать ему слесарным и кузнечным и прочим художеств мастерам, которые будут делать по данным от него моделям и за присмотром его стальные и железные инструменты и всякие надлежащие материалы... Тому искусству нигде он, Леонтий, не учивался, но может то сделать своею догадкою, чему он и пробу в доме своем, таясь от других, дельвал, токмо она, за неимением к тому достойных железных инструментов, в сущем совершенстве быть не могла, а ход небольшой был же».

Для уверения, что «то искусство совершенно в нем имеется», Леонтий Шамшуренков объявил «прежнее свое художество» — сослался на выданное ему удостоверение, что изобретенный им способ поднятия большого московского колокола был в свое время признан годным, и при этом подтвердил, что «ежели то его показание явится ложным, за что повинен смертной казни». Губернская канцелярия направила заявление в Московскую контору Правительствующего сената. Прошло несколько месяцев, и Шамшуренкова вызвали к следователю, но вместо ответа на свое проше-

ние он получил сообщение о возбуждении против него обвинения «в помарании титула царского».

Шамшуренков был поражен. Дело в том, что сам Леонтий Шамшуренков был неграмотным, и заявление об изобретении им «коляски самобеглой» с его слов было написано другим арестантом, сидевшим с ним вместе в камере, Родионовым, и начисто переписано племянником Шамшуренкова. Кто же мог «Помарать» бумагу? Вскоре, однако, выяснилось, что племянник, переписывая в заголовке титул императрицы, перечерк-

нул его в черновике. Родионов похитил черновик и переслал его начальству, рассчитывая выслужиться доносом и получить прощение.

Только в 1742 г. дело о «помарании титула» было прекращено, ввиду того что племянник Шамшуренкова «учинил то от неисправного писания крестьянской своей простотою, а умыслу никакого к тому не было». Шамшуренков же оставался в тюрьме. Так прошло четырнадцать лет! Через девять лет после подачи им заявления о его изобретении Московская сенатская контора обратилась наконец в Петербург с запросом «не повелено ль будет показанную курioзную коляску реченному крестьянину Шамшуренкову для апробации делать и на нее предъявленную сумму из казны денег употребить». Ответ из Сената последовал только после того, как Московская контора через несколько месяцев повторила свой запрос.

В феврале 1752 г. пришел указ «крестьянина Шамшуренкова прислать в Правительствующий сенат». В мае 1752 г. Шамшуренков прибыл в Петербург.

Ему отвели квартиру при «канцелярии отстроений», дали помощников, материалы, нужные инструменты. На пропитание изобретателю выдавалось по десяти копеек в день. Специальный офицер, приставленный к делу, имел «смотрение, чтобы делание той коляски производилось со всяким поспешанием, а по окончании оной представить в Сенат коляску вместе с изобретателем». «Смотрение» офицера было, конечно, излишним: изобретатель, поставивший свою судьбу в зависимость от успеха коляски, работал и день и ночь. Дело шло быстро, так как Шамшуренков, в сущности, только доводил до конца те свои опыты, которые делал дома, «таясь от других».

1 ноября коляска была готова. Канцелярия отстроений донесла Сенату об окончании предприятия. Вскоре пришел ответ Сената: «Самобеглую коляску принять, а его, Шамшуренкова, обязать подпискою, чтобы он без указа из Санкт-Петербурга никуда не отлучался». Несчастный изобретатель вместо ожидаемого освобождения оказался в тяжелом положении: выехать он никуда не мог, а деньги на пропитание ему больше не отпускались. Он подал просьбу в Сенат о выдаче ему «для пропитания кормовых денег, откуда будет соблаговолено, чтобы в пище не мог претерпевать нужды», а пока нищенствовал. Только в декабре ему было разрешено вернуться на

родину, куда он и отправился, за неимением средств, пешком. Между тем дело о яранском купце «Иване Корягине со товарищи» через пятнадцать лет хождения по всем канцелярским инстанциям, попало наконец на заседание Сената вместе с рапортом об изобретении Шамшуренковым «коляски самобеглой». Сенату пришлось его рассмотреть и отправить в апреле 1753 г. в губернскую нижегородскую канцелярию свое решение. Оно гласило: «Дело по жалобе на яранских купцов Ивана Корягина со товарищи рассмотреть и определение учинить немедленно, как указы повелевают, а дабы он (Шамшуренков) там неотменно к окончанию того дела явился, в том обязать его подпискою, за сделание же им той коляски выдать ему награждение пятьдесят рублей».

Получив деньги, изобретатель воспрянул духом и с новой страстью обратился к донимавшим его идеям. Наученный пятнадцатилетним тюремным заключением, Шамшуренков и не думал о поданной им когда-то жалобе. К тому же за это время умер купец Корягин и сменился покровительствовавший ему яранский воевода.

Все мысли Шамшуренкова были направлены на усовершенствование своего изобретения. Вскоре он обратился в Сенат с новым предложением: «Для апробации сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимою, а для пробы могут ходить и летом с нуждою». Для «самобеглой коляски» своей Шамшуренков предлагал сделать часы — счетчик пройденного расстояния, укрепляемые на задней оси коляски. Эти «часы», по заявлению изобретателя, должны были вести счет до тысячи верст, причем «на всякой версте будет бить колокольчик». Это предложение Сенат представил во дворец.

Усовершенствованная коляска заинтересовала царицу Елизавету Петровну, и Сенату было приказано запросить изобретателя о том, сколько будет стоить работа и материалы. Шамшуренков немедленно ответил через канцелярию воеводы, что сани обойдутся в пятьдесят рублей, а «часы» — в восемьдесят.

Увы, в архивах не сохранилось описания коляски и чертежей ее. Но, судя по переписке, Шамшуренков обладал чрезвычайно острой изобретательской мыслью и конструкция его коляски была очень оригинальной.

Этот выдающийся русский изобретатель и техник до конца своей жизни, оборвавшейся неизвестно когда и при каких обстоятельствах, выступал с самыми разнообразными проектами. Последние из его проектов, о которых дошли до нас сведения, носили просто грандиозный характер. Шамшуренков дерзко предложил «подвести Волгу к Москве», затем предложил проложить «подземную колесную дорогу». Мы не знаем, как были разработаны эти грандиозные проекты Шамшуренкова. Но, конечно, и всей фантазии Шамшуренкова не хватило бы, чтобы в свое время вообразить

нечто такое, что ныне ни у кого не вызывает удивления — метрополитен или канал имени Москвы.

Источник:

Самые знаменитые изобретатели России / Автор-составитель С.В. Истомин. - М.: Вече, 2000 - 469с.